

— Цинъюань, выйдешь поесть арбуза?

Сначала Линь Мэйи не стучала — просто позвала из-за двери. Потом испугалась, что Цзян Цинъюань не услышал, освободила одну руку и постучала.

— Я ещё дыню нарезала. В холодильнике есть йогурт.

— Ага.

Цзян Цинъюань отозвался, временно отложил свой план, вышел из комнаты и сел в гостиной.

Хань Цзяньцзюнь из-за новой семьи и множества связанных с этим дел специально взял недельный отпуск. Теперь всё немного устаканилось, поэтому он поспешил вернуться на работу. Последние дни уходил рано, возвращался поздно, и Цзян Цинъюань почти его не видел.

Хань Цзяньцзюнь работал водителем грузовика и возил на строительные площадки песок, щебень, сталь и другие материалы.

Раньше Линь Мэйи держала на рынке небольшой прилавок с закусками, фруктами и напитками. Рынок находился недалеко от стройки, и дела шли неплохо. Она жила одна, других забот почти не было, поэтому закрывалась позже всех. Другие продавцы уходили около трёх часов дня, а она — в половине шестого. Линь Мэйи всё рассчитала: вернёшься домой, приготовишь ужин — и примерно к шести уже можно поесть.

У фруктового прилавка на рынке лучше всего торговля шла утром: люди приходили за овощами и заодно покупали фрукты. Потом покупателей становилось всё меньше. Как было на других рынках, Линь Мэйи не знала, но у неё всё происходило именно так.

Фрукты быстро портились, поэтому после четырёх часов их обычно продавали со скидкой. Хань Лэцзя переживала за отца и часто напоминала ему покупать больше фруктов и молока. Хань Цзяньцзюнь слушал дочь и довольно долгое время покупал всё это именно у Линь Мэйи.

Днём покупателей было мало. Он заходил через день-два, и этого хватило, чтобы Линь Мэйи его запомнила. К тому же Хань Цзяньцзюнь иногда видел, как она таскает тяжёлое, и помогал поднять вещи. Так, встреча за встречей, между ними и появились чувства.

К настоящему моменту они «встречались» почти год и только теперь решили окончательно устроить совместную жизнь.

Хань Лэцзя тоже позвали есть. Четверо сидели на диване. За последние несколько дней, если не считать общих приёмов пищи, это был редкий случай, когда вся семья действительно собралась вместе.

— Целыми днями где-то носишься, а вернёшься — сразу запираешься в комнате. Как хорошо было бы всей семьёй вместе телевизор посмотреть, — сказала Линь Мэйи Цзян Цинъюаню.

Линь Мэйи считала, что чувства появляются от общения. Если оба ребёнка всё время сидят по комнатам, не разговаривают и ничего вместе не делают, как им стать ближе?

Последние два дня дети почти не общались. Линь Мэйи всё замечала и хотела, чтобы Хань Лэцзя и Цзян Цинъюань быстрее сблизились.

У самой Линь Мэйи было много братьев и сестёр, поэтому она знала: когда семья держится вместе, это лучше, чем каждому воевать в одиночку. Ей хотелось спокойного, дружного дома. Оба ребёнка хорошие, просто пока ещё не привыкли друг к другу.

— Цинъюань, твоя младшая сестра тоже учится в Синьда. Вы на одном курсе, оба на химическом факультете. Если чего-то не знаешь, спрашивай Лэцзя. А если Лэцзя что-то непонятно, пусть спрашивает старшего брата.

Линь Мэйи, конечно, знала, что оценки у Цзян Цинъюаня средние, но это не мешало ей сказать подобную фразу. Иногда именно вежливая формальность помогает сгладить неловкую ситуацию.

— Угу, — ответила Хань Лэцзя, продолжая есть арбуз.

Снаружи она казалась тихой и спокойной, но в голове уже развернулся целый спектакль. Она украдкой посмотрела на Цзян Цинъюаня и задумалась.

А если он не станет спрашивать меня? Тогда мне самой спрашивать его? А если я спрошу и сама не буду знать ответа?

А-а-а, как же тяжело ребёнку жить...

На самом деле она вовсе не была застенчивой и робкой по характеру. С близкими подругами могла беситься и сходить с ума. Но перед незнакомыми или не слишком знакомыми людьми превращалась в человека, из которого и клещами слова не вытащишь.

В голове она бесчисленное количество раз репетировала, как заговорить, как поздороваться — и всё равно не могла. Хотя ведь если сделаешь это, ничего страшного не произойдёт.

А-а-а, почему я такая?

Девушка погрузилась в мучительные мысли и молча продолжила есть арбуз.

Хань Лэцзя и так была милой девочкой. А Цзян Цинъюань смотрел на студентов этого возраста почти как на младших брата и сестру. К тому же он много раз перечитывал роман и очень любил характер героини, поэтому давно воспринимал её почти как настоящую сестрёнку. Ему даже хотелось взять послушную младшую сестру гулять, купить ей танхулу, маленькие хлопушки и красивые платица.

Но нельзя.

Сейчас я же холодный и бессердечный великий сводный брат.

— Ага, — равнодушный человек равнодушно издал равнодушный звук.

Линь Мэйи не стала заставлять. Они только начали жить вместе, и отчуждение было нормальным.

— Через несколько дней учёба начинается, да? Завтра мы с тётей Лю снизу договорились пройтись по магазинам. Вы тоже идите, посмотрите, что нужно купить.

Цзян Цинъюань как раз хотел кое-что приобрести и не отказался. Хань Лэцзя, как обычно, тихо согласилась. Закончив говорить, Линь Мэйи включила какую-то военную драму о сопротивлении японцам и стала смотреть, одновременно вяжя. Руки двигались так быстро, будто она печатала вслепую.

Цзян Цинъюань смотрел и только цокал языком от восхищения. Вот это настоящее вязание вслепую.

Было уже поздно. Линь Мэйи заставила обоих выпить молока и выгнала спать, а сама вместе с Хань Цзяньцзюнем осталась на диване смотреть телевизор.

В комнате. Глубокая ночь.

Наверное, из-за фруктов и йогурта перед сном Хань Лэцзя проснулась среди ночи и захотела в туалет. И вдруг заметила: из комнаты Цзян Цинъюаня доносится тихий звук? Она постояла и послушала. Похоже, он играл. Хань Лэцзя заколебалась. Сейчас было уже за три часа — неужели он играл всё это время?

Она считала, что сидеть ночами вредно, и хотела сказать ему лечь пораньше. Но они вроде бы ещё не настолько близки. Да и сама Хань Лэцзя, когда тайком сидела ночью, ужасно боялась, что её заметят и отругают. Подумав, она решила ничего не говорить и вообще не шуметь.

Но судьба распорядилась иначе. Как ни старайся быть тихой, звук двери ванной и слив воды в ночной тишине всё равно становились громкими. Спящий не услышит, но тот, кто не спит, слышит прекрасно.

Цзян Цинъюань специально ждал этого момента. Услышав шум, он перевернулся, прыгнул с кровати, потёр ладони и засиял глазами.

Давай-давай, сюжет начинается!

.....

Хань Лэцзя осторожно мыла руки. Пена от мыла постепенно уходила вместе с водой.

Она немного расстроилась. Ошиблась: какой бы тихий звук ни был, глубокой ночью он всё равно кажется громким. Он точно услышал? Наверное, внезапно вздрогнул? Испугался, что кто-то узнает, что он не спит?

Хань Лэцзя вспомнила, как сама каждый раз, когда ночью вдруг слышала шум снаружи, мгновенно задерживала дыхание, боясь, что отец заметит её бодрствующей. Только когда всё снова стихало, она решалась продолжить. От этой мысли ей захотелось смеяться.

Хань Лэцзя, не все же такие, как ты: и боятся, и всё равно любят тайком играть по ночам.

Она закончила мыть руки и собиралась вернуться в комнату, но, обернувшись, внезапно увидела человека прямо за спиной.

!!!!

Цзян Цинъюань.

Сердце Хань Лэцзя чуть не остановилось. От испуга она не удержалась:

— Ты чего?!

Только потом поняла, что не сдержала голос. Испугалась разбудить Хань Цзяньцзюня и Линь Мэйи, а ещё подумала, что прозвучала слишком грубо. Она похлопала себя по груди и тихо сказала:

— Почему ты ходишь совсем без звука? Я чуть не умерла от страха.

Цзян Цинъюань посмотрел на неё:

— Ха. Трусиха.

Хань Лэцзя понизила голос:

— Я не трусиха. Просто ты появился слишком внезапно.

Цзян Цинъюань сказал:

— А, вот как? Ну пусть будет так.

Хотя словами он вроде бы согласился с её объяснением, выражение лица ясно говорило совершенно другое!!

Хань Лэцзя хотела поспорить, но Цзян Цинъюань уже сказал «пусть будет так». И что теперь ещё доказывать?

Наверное, всё на её лице читалось слишком легко. Цзян Цинъюань презрительно усмехнулся:

— Что, не согласна?

Он явно раздражённо цокнул языком:

— Цк. С женщинами вечно столько хлопот.

Точно такая же, как его прежняя сводная сестра.

Лицемерка.

————— отрывок из оригинала

Хань Лэцзя на секунду застыла и уже хотела громко возразить, но промедлила. Цзян Цинъюань тем временем успел зайти в туалет. Она осталась стоять стиснув зубы.

Что значит «с женщинами вечно столько хлопот»?! А твоя мама, бабушка по отцу и бабушка по матери — не женщины, что ли?!

Тётя Линь такая хорошая — как ты умудрился вырасти таким противным!

ТЬфу! Мерзкий мужик!

Ждать, пока Цзян Цинъюань выйдет, и снова начинать ссору было бы слишком мелко. К

тому же уже поздно. Хань Лэцзя посмотрела в сторону спальни родителей.

Разбудить папу и тётю Линь тоже нехорошо. В конце концов, это спор только между ними двумя. Надувшись от злости, Хань Лэцзя вернулась в свою комнату.

Шаг назад — и море с небом становятся просторнее; потерпи миг — и ветер утихнет, волны успокоятся. Спокойно, спокойно. Если разозлишься до болезни, никто вместо тебя страдать не будет.

Слыша снаружи тихое шуршание, Хань Лэцзя решила, что меньше знаешь — крепче спишь, и накрылась одеялом с головой. Но чем больше думала, тем сильнее злилась. Она снова вскочила, включила маленький ночник и перенесла весь комплект «Пять-три» для подготовки в магистратуру, который подарил ей Цзян Цинъюань, в старый книжный шкаф, который собиралась продать.

Потом подумала: знания-то ни в чём не виноваты, а учебные пособия стоят дорого, тем более полный комплект. Поэтому снова достала книги и засунула их под самый низ остальных пособий.

Отныне она официально объявляет: эти книги — самые нелюбимые наложницы в холодном дворце её гарема знаний! Даже если она будет решать задания, до них доберётся в последнюю очередь!

Пока таскала книги туда-сюда, ничего не выбросила, зато вспотела. Подумав об этом, Хань Лэцзя разозлилась ещё сильнее.

(||ω||)

Она подождала, пока тело немного остынет, и снова накрылась одеялом.

Спать!

За стеной Цзян Цинъюань, наоборот, был счастлив. Сюжетная сцена пройдена — не зря он специально просидел всю ночь.

О да! o(□□ω□´)o

Он чувствовал себя свежим и довольным, накрылся одеялом.

Спать!

<http://bllate.org/book/20861/2143110>